

НАША СТРАНА

Год издания — 41-ой. Буэнос Айрес, суббота 20 мая 1989

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 20 de mayo de 1989 № 2024

Б. ГАСАН

«МОЗГ НАЦИИ»

Писатель Владимир Солоухин продолжает поражать нас смелостью своих выступлений в печати. Теперь, под названием «Голубое колечко» он опубликовал в СССР восторженный панегирик русской антикоммунистической эмиграции, содержащийся в очерке описывающем ряд встреч Владимира Алексеевича с русскими за рубежом. («Наш Современник» # 3).

Эти встречи имели место тогда, когда, по словам автора «Писем из Русского Музея», уже «ожили те участки сознания, которые должны заведовать отношением русского человека к своему отечеству, к России, к своей исторической, я бы сказал, Родине, и которые с детства, со школы, с разных там октябрятских и пионерских времен бывают анестезированы, заморожены, если не атрофированы в результате воздействия ежесекундной, ежедневной, ежеминутной всеобъемлющей и всепроникающей пропаганды, в результате того, что с первых глотков приходится дышать искусственной атмосферой, так что человек даже и не знает уж, что может быть другой воздух. Надо сказать, что к этому времени упомянутые участки моего сознания разморозились, ожили, стали чувствительными, у меня развилась мучительная ностальгия по России, по всему русскому, подлинному».

Солоухин рассказывает, что «врезавшись в среду русской эмиграции в Париже, я нашел в ней то, чего не мог найти в Советском Союзе, я нашел Россию, пусть в обломках и остатках, пусть в жалких обломках и остатках, но подлинную Россию, и, конечно же, у меня захватило дыхание».

Для них всех при личном знакомстве со мной — для Марии Николаевны Бобринской и Аркадия Петровича Столыпина (сына царского министра), для Воронцовых-Вельяминовых и Меншиковых, Оболенских (отец Николай, настоятель русского православного собора на рю Дарю) и Ламсдорфов (Николай Павлович, граф, пробавающийся перепродажей мелкого антиквариата), Андронниковых (Татьяна Александровна и князь Константин, личный переводчик де Голля, впоследствии мой, можно сказать, что друг), Голицыных, Шереметевых, Шаховских, Дурасовых, Арсеньевых, Соллогубов, Шалягиных (дочь Федора Ивановича, живущая под Парижем), Васильчиковых, Толстых, Шуваловых, Мещерских — для всех них при личном знакомстве я оказался неожиданностью, если не чудом, а для некоторой части скептически настроенных тайным агентом КГБ, заброшенным в Париж для окончательного разложения остатков русской эмиграции. Пожалуй, только в две крайности и могли они уложить представление обо мне: либо чудо, либо агент.

В самом деле, наблюдая за людьми, приезжающими из СССР в Париж

(за писателями во всяком случае), они видели, что не только ужинать дома у Столыпина, не только ходить к обеду в Сергиево подворье, но и по одной стороне улицы с эмигрантом боялись ходить москвичи и скорее переходили на другой тротуар, а тут...

Помню, был вечер в Славянском институте, я сидел за столиком перед публикой в ожидании, когда все усядутся и затихнут, чтобы начать говорить и читать стихи, и вдруг возбужденный шумок прокатился по залу. Я не сразу сообразил, что шумок относится ко мне. Оказывается, я в ожидании начала вечера развернул и стал читать на виду у всех подложенную мне под столик «Русскую мысль». Еще бы! Ходила молва, что один наш писатель здесь же, в Париже, читал «Русскую мысль» под одеялом, затаив туда настольную лампу. А я — перед многолюдным залом! Не знаю, чего больше было в моем поведении: небоязни или легкомыслия, но только я вел себя естественно и по-другому вести себя не мог».

На этом вечере, в частности, писатель разговорился с Софьей Михайловной Зёрновой. Как поясняет Солоухин «все Зёрновы были глубоко религиозны, но Софья Михайловна — в особенности. Покровителем своей семьи они считали Серафима Саровского (тут присовокупился и государственно-монархический момент)» Вот как писатель передает их разговор:

« — Скажите, — осторожно начинает Софья Михайловна, — неужели можно прожить всю жизнь в России, в Москве, и ни разу не зайти в православный храм во время богослужения?»

— Почему же? Я, например, захожу. Свечку Иверской ставлю время от времени.

В глазах у Софьи Михайловны недоумение, недоверие, испуг, восхищение, сияние, опять недоверие и опять восторг.

Она снова начинает говорить осторожно, издали, стараясь исподволь внушить мне то или иное

чувство, ту или иную мысль о России, а получает двадцать очков вперед.

— Скажите... Столыпин... Вы слышали о таком государственном деятеле? Неужели за все свои радения о России он не заслужил доброго словечка, кроме как реакционер? А вам не приходило в голову, что он тоже любил Россию?..

— Почему же? Это был по тому времени выдающийся государственный деятель. Недаром на него было одиннадцать покушений. Боевики-эсеры полагали: пока Столыпин стоит у кормила империи — революции не бывать. Они помнили его слова: «Вам, господа революционеры, нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия».

Софья Михайловна смотрит на меня широко открытыми голубыми глазами. Она не верит своим ушам. В глазах у нее недоумение, недоверие, испуг, восхищение, сияние, опять недоверие и опять восторг.

Мы проговорили, захлебываясь, упреждая мысли друг друга, подтверждая мысли и чувства друг друга, пять или шесть часов, и с этого вечера между нами возникла крепкая дружба, продолжавшаяся семь лет, до смерти Софьи Михайловны в 1972 году».

Затем автор стихотворения «Волки», в котором еще в 60-х годах, мы, молодые монархисты за рубежом, безошибочно распознали своего единомышленника, описывает свои впечатления от посещения русского эмигрантского кладбища в Сен-Женевьев-де-Буа.

«После наших омерзительных франерных пирамидок со звездочками, покрашенных пупырчатой серебряной краской (а хоть бы и металлических сварных пирамидок), после безвкусных оградок вокруг каждой могилы, создающих на кладбище тесноту и путаницу, после металлических крестов, сваренных из уголкового железа и покрашенных грубой краской, зеленое кладбище с белыми березками, с белой церковкой посередине (построенной, кстати, по проекту Бенуа), с негасимыми лампадками на

многих могилах, с братскими захоронениями: тут Алексеевцев, а тут — капелевцев, а главное — с именами, с именами на надгробьях, ошеломило и потрясло меня. Читать имена и фамилии, столь знакомые нам по родной истории и родной литературе, здесь вдалеке от России, в пригороде Парижа, читать их имена в таком количестве на могильных плитах... да здесь похоронена вся русская культура, цвет науки, мозг нации, столь преступно выплеснутые за пределы отчизны и бесплодно, никчемно увядшие, угасшие вдалеке от родины и народа. Целая цивилизация, принесшая и подарившая миру гигантов литературы, музыки, живописи, филологической мысли, духовного озарения, лежит в этом скорбном, хотя и прекрасном месте вблизи Парижа, и место это не единственное на земле, да и в том же Париже... Ну и, конечно, как было не преклонить колен перед остзейским суровым крестом, осеняющим могилу Ивана Алексеевича Бунина».

Далее Солоухин воспроизводит (в советском журнале!) отрывок из успешанной им лекции о русской литературе на съезде Русского Студенческого Христианского Движения («что-то вроде анти нашего комсомола», поясняет Владимир Алексеевич). Профессор говорил:

« — Как вы понимаете, сама партия писать ни стихов, ни поэм, ни романов не умеет. Она вынуждена держать и содержать сотни и тысячи писателей. Не надо думать, что если они рабы коммунистической партии, то сидят под домашним арестом и строчат свои романы, а к каждому из них через плечо заглядывает надзиратель. Советская власть дает им очень большую свободу ездить по всей стране (так называемые командировки), участвовать в разных литературных празднествах (так называемые декады), и вообще там можно очень свободно и прекрасно себя чувствовать, но только для этого свой талант нужно однажды в самом начале продать советской власти. Совсем небольшое условие. Как если бы сказать девушке: у тебя будет все — виллы, яхты, путешествия, наряды, надо только к старому миллионеру лечь в постель и потом делать это время от времени вновь».

Я улыбнулся: наивность профессора была очевидна... Но дело в том, продолжал профессор, что, как только среди них оказываются люди с истинным талантом, они начинают служить не литературным чиновникам, а литературе. При Сталине литературный огород постоянно пропалывался, теперь с талантливыми людьми расправляться стало труднее...»

Впрочем, роняет мимоходом Солоухин, после этого пребывания в Париже ему 12 лет не позволяли ездить во Францию.

А. Р.

Б. ГАСАН

АДСКАЯ МАШИНА

По сообщениям международных агентств печати, на прошлой неделе «Правда» заявила, что непрекращающийся выпуск рублей, для покрытия расходов, приносит Советскому Союзу такой же вред, как могла бы приносить ему вражеская страна. Орган коммунистической партии Советского Союза сравнил такое печатание денег с попытками Наполеона, а потом и Гитлера саботировать экономику нашей страны путем выпуска фальшивых рублей. Поэтому «Правда» требует принятия чрезвычайной экономической программы, для преодоления этого положения.

В отделе «На Родине» в # 2022, было высказано предположение, что советское правительство продолжает печатать деньги для перекрытия бреши между ростом заработных плат и ростом продукции. Еще до этого в «Нашей Стране» отмечались признания советских руководителей о скрывавшемся до сих пор дефиците государственного бюджета СССР. Этот дефицит и является причиной печатания денег. Но, в свою очередь, этот дефицит вызван структурной неустойчивостью социалистической системы хозяйства. Именно эта система является той адской машиной, подброшенной в нашу страну, которая ставит под угрозу само существование последней.

Н. КУСАКОВ

БИБЛЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

Знаете ли вы, что намерение подчинить Св. Православие русского народа иноземной вере имеет очень давнюю историю? Впрочем, конечно, вы знаете про Унию, знаете, что Ватикан учредил Восточный Обряд и пользуется им для увлечения православных простецов сначала к своему богослужению, совершаемому по нашему порядку, а потом вовлекая их так же в принятие Св. Таинств и наконец, заключая православную паству под омофор Римского папы. Но это — особая тема.

Но мало кто знает, что такие же, а может быть гораздо более сильные старания проявляются и издавна проявлялись миром протестантским? Конечно, многим известно, что баптисты, адвентисты, меннониты, пятидесятники и другие протестантские секты делали и делают много, чтобы привлечь к себе верующих из рядов св. Православной Церкви, то из Римских католиков, то даже просто из атеистов. Кому не случалось видеть громадные плакаты с обещанием спасения и умиротворения именем Христа Спасителя?

Но не все знают о громадной внутренней деятельности, развиваемой протестантским миром посредством распространения Св. Писания в тех версиях, которые дают наилучшую возможность истолкования *в смысле чуждом* исконной православной греко-российской традиции. Между тем, эту работу благочестивые протестанты вели издавна, и сейчас, полагая, что «перестройка» откроет некоторую свободу проповеди Слова Божия на русской земле, завоеванной большевизмом, они эту работу ставят под знак усиления.

Один из видов борьбы с религией и тем самым со св. Православной Церковью со стороны большевиков было уничтожение книг Св. Писания, — то есть Библии. Говорят, будто теперь, под флагом горбачевской перестройки, эти книги будут печататься свободно. Говорят, что Патриархии разрешено иметь свою собственную типографию и что отныне, будто бы, иметь в руках книжечку Св. Евангелия не будет рассматриваться, как акт контр-революции, и эти книги будут продаваться и раздаваться повсеместно. Говорят... Я этого не знаю.

Но я знаю, что со стороны самих церковных властей Московской Патриархии не видно действия к тому, чтобы обеспечить русский народ православной Церковью тем самым русским, а не церковно-славянским текстом Священного Писания, то есть Библией, Евангелием и Псалтирью, как ими пользовалась Святая Русь на протяжении всей тысячи лет своего земного странствования. Между тем, со стороны протестантского мира в этом направлении ведется громадная работа. Немало сделано и со стороны руководимого Ватиканом Восточного обряда. Издаю немало духовной литературы и в великолепном издании вся Библия на русском языке. (По Масорету. См. ниже). В этом издании между строк читатель встречает латинские толкования, *в корне отличные от толкования нашего, православного.* (Толкование о примате св. Апостола Петра, — Матф. 16, 18). Здесь не время входить в подробную реляцию об этом ватиканском издании Библии, но именно в эти дни — время говорить о готовящемся еще одном новом издании Св. Писания, уже даже не Рим-

ско-Католического направления, а направления протестантского в духе, совершенно чуждом православному расположению духа, обращенного к погружению ума и сердца в священные строки слова Божия. Инициатива исходит от United Bible Society.

В настоящее время русскому читателю Св. Писания открыто два текста. Это Библия (то есть Св. Писание Ветхого и Нового Заветов), — одна на церковно-славянском языке, и другая — на русском языке, — так называемая «Русская Библия» (в отличие от Библии «церковно-славянской»). Это две разные версии.

Новый Завет в этих двух изданиях между собой идентичен, так как оба текста переведены с греческого, с одного и того же оригинала.

Другое дело тексты Ветхого Завета.

Церковно-славянский текст есть тот, который мы слышим при нашем церковном богослужении, в храме. Не входя в подробности его истории до тех пор, скажем, что это есть текст, принятый всей Русской Православной Церковью после тщательной проверки и сверки с греческими оригиналами, как эта проверка была сделана по распоряжению Государя Алексея Михайловича, затем — Петра Великого и при его дочери Елизавете Петровне. Это — Елизаветинская Библия. Текст Елизаветинской Библии основан на греческом тексте, носящем название «Перевода 70-ти» или же «Септуагинта».

«Септуагинта» есть греческий текст Св. Писания Ветхого Завета, вышедший из-под пера 72-х толковников, еврейских ученых, переведших этот текст с еврейского, по желанию Птоломея Филадельфа (он тогда комплектовал Александрийскую библиотеку) и по поручению Первосвященника Елеазара. Этим текстом пользовался и Господь Иисус Христос, и святые Апостолы. Его же изучала и Пречистая Дева, когда жила при храме еще до обручения Иосифу, хранителю Ее Девства. Превратности судеб еврейского народа повели к тому, что текст этот хранился позднее в большом небрежении, и в 4-м веке по Рождестве Христовом Синаедрион произвел тщательную проверку всего текста, в результате которой явилась новая версия Ветхого Завета, которой присвоено наименование «Масорета». *Он не идентичен Септуагинту.*

Когда в середине 19-го века, церковно-славянский язык стал забываться в России и потребовалось издание Св. Писания на языке, понятном народу, то, по причине, для которой объяснения мне никогда не удалось встретить, в качестве оригинала для русского текста был избран не Септуагинта, а Масорет. Русский текст и был переведен с еврейского языка не как то Св. Писание, которое восприняла св. Церковь из рук св. Апостолов, а в том виде, как оно было изложено раввинами в конце 3-го или в 4-м веке по Рождестве Христовом.

Отсюда между текстом славянской Библии и Библии русской наблюдается множество расхождений, в некоторых случаях доходящих до прямой противоположности (Быт. гл. 37, ст. 2-ой), в других не дающих возможности идентичного толкования, однако, иной раз дающий смысл более глубокий, например, в книге Иова, гл. 38, ст. 36-ой. Сопоставление обоих текстов весьма углуб-

ляет мысль и понимание таинства, изложенного в текстах Св. Писания. В Библиях издания Библейского Общества опущены целые главы (кн. Эсфирь), удалены целые книги (Юдифь), главы из кн. Даниила, премудрость Соломона, история Маккавеев и 3-я книга Ездры.

Так или иначе, «Масорет», то есть текст св. Писания по учению раввинов, а не по учению древнего Израиля, теперь ставит перед Русской Церковью крайне сложный вопрос о том, как же переводить все богослужебные тексты с церковно-славянского на современный русский.

И вот в это время, когда «у нас» и так голова болит от видимых и ожидаемых сложностей, протестантский мир прибавляет новую проблему к тому, что подал Ватикан со своим Восточным обрядом.

Мир Соборной Церкви, на Западе, так и на Востоке, для понимания св. Писания, воспринимая его с благоговением, для понимания его, руководствуется прежде всего Священным Писанием, в свете которого целый ряд чувственно-очевидных неясностей находят свое решение в духовном разумении, почему, в конце концов, весь мир св. Православия «говорит» не на едином языке, а на своем родном. Много мы не договариваем, понимая недосказанное. Православное сердце и ум способны выходить за рамки формы слова и непосредственно воспринимать в духе молитвенного общения истину, скрытую в форме слова, несущего ее содержание. В истинном принципе мы не требуем точного перевода!

В самом начале Библии, например, в ст. 15-м 3-тней главы есть слово, из-за которого переводчики могут спорить до вторых петухов, если не вооружатся истинным духом понимания, преподанного св. Преданием. Речь о «семени жены», которое будет поражать сатану в голову. По-славянски сказано *будет блюсти*, по-немецки «растопчет» (zertreten), по-испански «раздавит» (aplastará), по-английски «побьет» (shall bruise). В славянской же Библии сделано примечание: «Евр. — сотрет».

Установить, — какое именно слово современного языка, каким бы он ни был, отвечает еврейскому «сотрет». — совершенно невозможно. Ум, молитвенно устремленный в таинство слова Божия, верой проникает в тайный смысл и радостно влхновляется мыслью об Обетовании Спасения, не задумываясь над тем, какое же слово надобно поставить в тексте перевода, о том, что семя жены поразит главу змия... «смертию смерть поправ».

Не то лютеранский, Кальвинистский мир протестантизма. Там требуется точность! Протестантский мир требует, чтобы Св. Писание было переведено точно. Для этого их ученые издавна заняты изысканиями по всем архивам мира, по всем музеям, по всем раскопкам. Тщательнейшие исследования десятком древних пергаментов выдвинули имена почтеннейших и достойных всякого уважения ученых, как Тишендорф, или Нестле, составивших справочники, где сведены различия множества фрагментарных находок старинных текстов, относящихся к первым векам. Здесь вы можете задаться вопросом о том, что именно имелось в виду в тексте о верблюде, не могущем пройти сквозь игольное ушко.

(Матф. 19, 24)? Не имел ли автор в виду написать не «камело», а «камыло», что должно было обозначать узелок на нитке. (Не ошибка ли при переписке?) В самом деле, — тогда евангельский текст был бы более логичным! Не странно ли, что древние толкователи на этом не остановились вниманием!.. И, Боже мой! Сколько ненужных толков можно вести вокруг всех этих узелков! Но вот их не замечали ни Иоанны Златоусты, ни Августины Блаженные, ни Антонины Великие! Их внимание устремлено в духовные выси, «откуда мы ждем Спасителя нашего Иисуса Христа» (Фил. 3, 20).

И вот, в эти дни, когда Русская Церковь еще никак не уверена в том, что ей будет дана возможность спокойной уверенной жизни «во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2, 2), протестантский мир, в лице Объединенного Библейского Общества принимается за отыскание научных методов перевода св. Писания на русский язык. Для этого созывается конференция с участием представителей советской Академии Наук и митрополита Питирима. Конференция имеет состояться в Тифлисе в июне текущего года.

Очевидно там пойдут речи о том, как отыскать точные слова для передачи древних смыслов, для того, чтобы поставить именно те смыслы, которые имелись в виду в те дни, но более всего организаторы конференции озабочены тем, чтобы создать такой библейский текст, который был бы не сухими строками, как до сих пор Библия подносилась, вызывая скуку, а была бы живым текстом, пригодным для чтения. В таком духе написанная Библия уже имеется на английском языке, — Good News Bible. Она распространена в количестве 75-ти миллионов экземпляров. Очевидно, когда Объединенному Библейскому Обществу удастся создать такую же Библию на русском языке, тогда ею будут полны полки во всех книжных лавках во всех городах так называемого Советского Союза.

И это вызовет страшную растерянность в среде русских людей, в эти дни томящихся жаждой получить в руки св. Писание. Не удивительно! Если сейчас, в условиях полной свободы, в нашей же среде белой эмиграции почти никто не знает, что Библия «славянская» и Библия «русская» — это *две разные версии* Св. Писания, если почти никто не знает о том, что Библии издания Библейского Общества, написанные по новой орфографии, лишены целого ряда книг, а в других книгах не имеют нужной полноты, так как протестантское учение считает эти тексты апокрифическими и выбрасывает их вон, то, — спрашивается, что начнет думать русский читатель, когда он получит такую Библию и открыв русскую Псалтирь по версии «Good News Bible», увидит совсем не то, что он слышит в храме.

Ученые советской Академии Наук, привлекаемые к обсуждению методов перевода Библии, несомненно располагают высокой эрудицией, но ждать от них, чтобы они были хорошиими советниками в вопросах, где речь идет о святости, было бы весьма неразумно. Библия есть слово Божие, а не книга для развлекательного чтения. Это книга не информативная, а формативная! Она не информирует своего читателя, а имеет

Языковые уродства

АЭРОПЛАН ИЛИ САМОЛЕТ?

Относительно вопросов М. Чурилова, в "Нашей Стране" # 2017, скажу следующее. Первоначально в нашем языке утвердился термин *аэроплан*, имевший преимущество полной однозначности. К сожалению, в 30-е годы его начало вытеснять заимствованное из польского слово *самолет*. Которое имеет тот серьезный недостаток, что совпадает со сказочным образом *ковра-самолета*. В результате, теперешние дети, знакомясь с фольклором, представляют себе, наверное, будто Иван Царевич пользовался какой-то летательной машиной, с пропеллером, мотором и т. д.

Однако, это слово уже настолько въелось в быт, что с ним трудно было бы бороться. Название же *летчик* продолжает оставаться в употреблении, и к нему даже прибавилось *летчица*; хотя наряду с ним существует и *пилот*, с легкими смысловыми оттенками.

Передача английской буквы *w* по-русски представляет несколько различных вариантов: *Вильям, Вильсон, Винзор, виски; Вашингтон, Варвик, вагон; Вудсток, Вудхауз*; но: *Уэльс, Уоллес*. То есть, перед русскими *и, а и у* мы чаще встречаем *в*, а перед *о и е*, наоборот, *у*. Здесь имелось, однако, много и исключений, в том числе и фамилия *Уатт*.

Если же разбираемый звук оказывается по-русски перед *е*, — чаще всего в многосложных именах или названиях, — то он всегда передается через *в*, а не через *у*: *Веллингтон, Веверлей, Вестминстер*.

Большевики, с характерным для них презрением к традициям, пытаются все эти случаи свести к одному знаменателю, всюду заменяя *в* на *у*. Манера эта не заслуживает никак поощрения, и нам, за рубежом, предпочтительно сохранять старые написания, как они были приняты не только до революции, но даже и после нее, вплоть до 30-х годов.

Что до единицы электроэнергии, то она, в отличие от имени установившего ее ученого, пишется, как будто, всегда именно *ватт*.

Аркадий Рахманов

назначение сформировать его духовное устройство. Митрополиту Питириму, приглашенному участвовать в работах намеченной конференции, едва ли удастся найти общий язык с протестантами из Объединения Библейского Общества и с советскими лингвистами... разве что он пойдет на поводу у них и в вопросе о методах перевода Библии согласится на применение методов рационализма и позитивизма там, где господствовать должны эстетическое проникновение веры во внутреннюю суть слов и речений, где должны царствовать дух и святость, а не компьютерная пунктуальность.

Посмотрим, что даст Тифлисская конференция. Так или иначе, русский православный человек должен быть настороже.

Тема о Священном Писании, вообще, представляет собою вопрос, требующий внимания и времени гораздо больше, чем мы могли ему здесь посвятить, имея в виду дать краткую информацию о предстоящей конференции в Тифлисе. Есть еще очень много, о чем нужно беседовать с русской общественной мыслью применительно к вопросам в Св. Писании. Итак, расстанемся до следующей встречи.

Май, 1989 года

Н. КУСАКОВ

ПЕЧАТЬ

ИНОЙ ХЛЕБНИКОВ

Мы знаем Велимира Хлебникова как основателя поэтической группы *будетлян* и автора порою трудных для понимания стихов; а политически он представляется то ли аполитичным, то ли даже сочувствующим большевизму. Однако, совсем другим духом веет от его краткой поэмы "Председатель чеки", опубликованной впервые в "Новом Мире" # 10 за 1988 год; откуда приведем здесь отрывок:

"Дом чеки стоял на высоком утесе из глины, — На берегу глубокого оврага, — И задними окнами повернут к обрыву. — Оттуда не доносилось стонов. — Мертвых выбрасывали из окон в обрыв. — Китайцы у готовых могил хоронили их. — Ямы с нечистотами были нередки гробом, — Гвоздь под ногтем — украшением мужчин. — Замок чеки был в глухом конце — Большой улицы на окраине города, — И мрачная слава окружала его, замок смерти".

А речь, между прочим, не о годах ежовщины, а о счастливых временах *ленинской законности*...

И ДРУГИЕ ПОЭТЫ

Из того же номера процитируем еще стихи Н. Панченко: "Не бойся если упрекнут — полупрезрением как пороком: — когда в руках пистолет, и кнут — поэт становится пророком. — И как пророк ~~он гол~~ и бос — и непонятец, — несозвучен, — и каждый кормленный барбос — его облайивать обучен..."

И А. Кушнера: "Объясни мне, как можно расстреливать жен? — Расстреляли мужей, отобрали детей. — Как, скажи, наложив резолюцию, он — Жил потом, сочинитель речей и статей, — Как не спились они по ночам ему, как — Он обедал, смеялся, смотрел на часы? — Объясни эту жизнь, этот мир, этот мрак, — О, не тайны его, объясни мне азы. — Я не спрашиваю о маньяке, как раз — Он понятец, народов отец и пастух, — Так лукаво-приветливо шутивший глаз, — Но вот этот, в очках, побухгалтерски сух, — В полосатом костюме, любивший дела — Ино-

странные, чистенький, тихий такой... — Объясни эту жизнь, что как сажа бела, — Этот ад, что шипит у тебя под рукой..."

ПОЧЕТНЫЙ СПИСОК

В статье "Выворачивание барашьего рога", в # 15 московского журнала "Гласность", ожесточенный ненавистник России Г. Померанц призывает все национальные меньшинства *бить русских в зубы*, дабы выжечь у этих последних *имперскую скверну*, сбить у них *спесь* и вообще их, так сказать, поставить на место (он заранее плотоядно облизывается при мысли об *эксцессах*, которые при подобном процессе неминуемо воследуют). Русские суть, видите ли, в его глазах *главная опора сталинизма* (а мы думали — главная жертва оного!).

Между тем, сам злопыхатель оказался перед лицом тягостного для него кошмара, описываемого им в нижеследующих выражениях: "Как часто бывает в истории, сами усилия заморозить страну привели к сдвигам. Случилось непредвиденное: метаноля (как студентки-классики перевели слово "перестройка"). В новых условиях "Память" вышла на улицы, "Память" стала народным движением с огромными перспективами роста (в ней есть запал, есть энергия и искренность). "Память" грозит стать реальной политической альтернативой (чего и во сне не снится либералам и правозащитникам)".

Для нас, однако, главный шаг вперед — моральной статьи в "Гласности" состоит в том, что Померанц открыто называет по именам своих врагов, русских патриотов; и вот кого он перечисляет в первую голову, кроме своего старого противника, Солженицына: Солоухин, Кожипов, Палиевский, Белов и Астафьев; а из прошлого он скрежещет зубами поминает Розанова и Флоренского.

Как говорил Крылов:

Кого нам хвалит враг, в том верно проку нет.

И наоборот: кого такой патентованный русофоб как Померанц поносит и шельмует, — те, верно уж, заслуживают нашего внимания и интереса.

В. Р.

Зарубежная жизнь

ОБРАЩЕНИЕ НАСТОЯТЕЛЯ ХРАМА-ПАМЯТНИКА

Дорогие о Господе братие и сестры!

Прошел юбилейный 1988 год, прошли торжественные дни праздника 1000-летия Крещения Руси. Мы благодарим вас за вашу жертву Свято-Владимирскому храму-памятнику. Однако, кроме обычного текущего ремонта храма прибавляется еще одно: надо заменить котел нефтяного отопления храма, что будет стоить больше 11.000 долларов. Необходимо закончить иконостас: нет икон на северных и южных вратах и не написаны еще две иконы Святой Троицы и святых Бориса и Глеба в первом ряду. Остались мы также без навеса-гаража. Его убрали из-за ветхости прошлым летом, а гостей принимали под палаткой.

Сейчас архитектор и инженер трудятся над планами церковного зала. Нам трудно осуществить все это без вашей помощи. Просим вас вступать в члены Св. Владимирского Общества, "богатеть в Бога", "благодетельствовать, быть щедрыми и общительными" (1 Тимоф. 6, 18). Пусть за все ваше добро к храму-памятнику воздаст вам Господь сторицею.

С любовью о Господе благодарные

Протоиерей Борис Кипенко
и все труженики храма-памятника.

Просим посылать свою лепту по адресу:

St. Vladimir Memorial Church, P. O. Box 143, Jackson, NJ,
08527, USA.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

После Второй Мировой войны, международная политика разыгрывалась сначала главным образом на двух сценах: 1. Между двумя блоками возглавляемыми двумя сверх-державами, позже оформленными как "НАТО" и как Варшавский пакт. 2. В периферийных или, вернее, "буферных" зонах, не входящих прямо в эти два блока, на территории которых разгравались так называемые "региональные конфликты", но при косвенном участии этих блоков. Тридцать лет тому назад произошла первая глубокая мутация на этих сценах: во втором блоке произошел раскол в 1959 году, после встречи между Хрущевым и Мао-Тзе-дуном. В начале 70-х годов этот раскол был использован для создания новой мировой ситуации, когда был заложен фундамент для преодоления так называемой биполярности, с переходом на стремление к достижению равновесия между тремя, а затем и между пятью международными силовыми центрами. Так был создан третий сценарий, на котором "играли" США, СССР и Красный Китай.

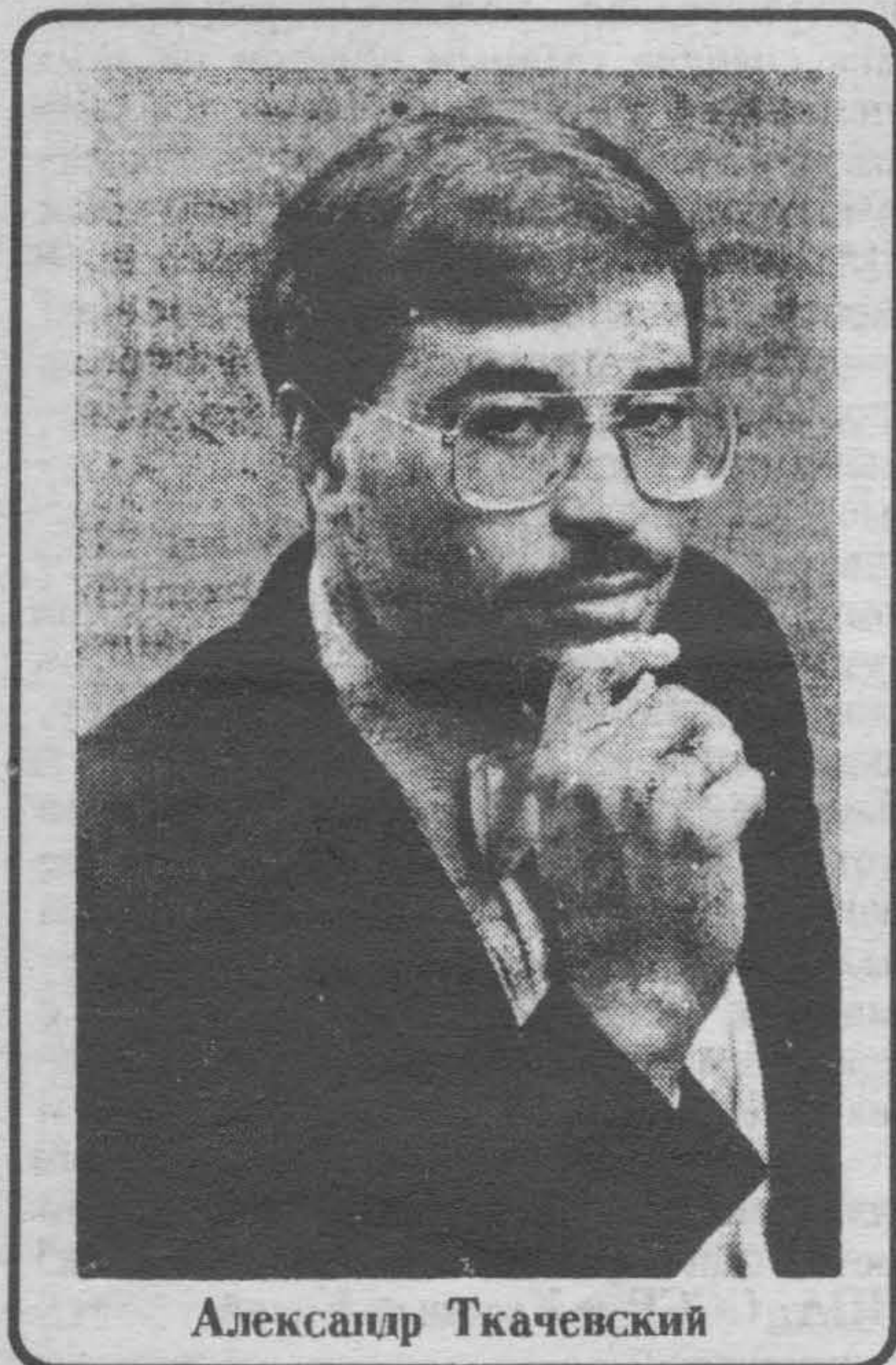
В ходе сегодняшней внутренней перестройки в СССР, при одновременной перестройке в международных отношениях, возникает четвертый сценарий: сценарий советских сателлитов. До сих пор эти страны не были самостоятельными актерами, а всего лишь статистами в блоке, возглавляемом СССР. Однако, как было отмечено в "Политическом Калейдоскопе" в предыдущем номере "Нашей Страны", сегодня ясно вырисовываются тенденции к постепенному переходу этих стран (по крайней мере некоторых из них) из категории статистов одной стороны в категорию "буферных" актеров. Конкретно, отмечались перемены в Польше и в Венгрии. Сейчас, некоторые комментаторы даже заговорили о том, что сегодня в Венгрии происходит разрыв с "социалистической солидарностью", главным образом по отношению к Чехословакии и Румынии, при одновременном стремлении к восстановлению "общей геополитической зоны" с Австрией. Якобы, даже, имеется ввиду "исправить ошибку разрушения австро-венгерской монархии", вследствие чего "Европа осталась на милость славянского коммунизма".

Симметрично, по отношению к этим процессам происходит расшатывание и первого блока. Как сообщает западно-германское агентство печати, некоторые комментаторы, особенно в США, считают, что Западная Германия стремится покинуть Западный блок и одновременно заключить новое соглашение с СССР. Кандидат ФРГ Гельмут Коль отрицает это, но его министр иностранных дел Ганс Дитрих Геншер усиливает сношения с Восточным блоком, и считает, что "Горбачева надо принимать всерьез". Другой член западно-германского правительства, государственный секретарь для внутренних германских дел Отфрид Геннинг заявил, что "федеральная республика — временное явление, так же как и ее конституция", и что "Берлин является разделенной столицей Германии". Одновременно, Западная Германия сопротивляется обновлению тактических ракет США на ее территории и предлагает начать немедленно переговоры с СССР для того, чтобы уменьшить их количество.

Одновременно, Горбачев предложил во время встречи в Москве с государственным секретарем США одно-стороннее сокращение количества тактических ракет и сокращение вооруженных сил НАТО и Варшавского пакта а Европе на миллион человек с каждой стороны. Государственный секретарь Бэйкер заявил, что США и СССР расходятся во мнениях насчет тактических ракет, но все же признал, что мир «движется к концу холодной войны».

П. Н.

"СЦЕНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ" АЛЕКСАНДРА ТКАЧЕВСКОГО

Александр Ткачевский

Повествуя, в стройном звуке рассказывает хор о болезни князя Владимира:

По Божью же строению
в се время разболелся Владимир
очима,
и не видяше ничтоже,
и тужаше вельми,
и не домыслиаше, что сотворити
и посла к нему царица,
рекуще:

И тут кристальное сопрано царицы Анны (Kathryn Adkins) с колоритом греко-восточной мелодии, взывает...

Аще хочещи болезни
сея избыти, то вскоре
крестися, аще ли ни, то
не имаещи избыти сего.

Вступает бас самого Владимира (Lawrence Ohran) вспоминающего о своей бабке Ольге, которая ему читала про апостола Павла.

Воплощается голос самой княгини Ольги, в глубокое контральто (Barbara Sediakina-Larson):

Пойде-же Анапия, и вниде
в храмину, и возлож
нашь руде, рече: Савле
брате, Господь Иисус
явлей ти ся на пути,
имже шел еси, посла
мя, яко да прозриши,
и исполниши Духа
Свята. И абие отпадоша
от очию его яко чешуя:
прозре же абие, и встав
крестися.

Эти сольные голоса выступают на фоне раскатистого, иногда ярко звучащего, иногда диссонантного, порой удаляющегося, но постоянного хорового фона: «Крестися».

И происходит чудесное обращение князя Владимира, который восклицает:

Аще се истина будеть,
по истине велик Бог
крестьянск.

Тут уже нарастающе бурно и мно-

гогранно звучит хор:
И повеле крестити ся
и епископ же...

В драматическом пафосе свидетельства чудесного исцеления, над хором кристально парит голос Анны:

яко возложи руку на нь
абие прозре. Видив же се
Володимир скорое
исцеление, и прослави
Бога рек:

Хор и сольное сопрано доходят здесь до высшей точки напряжения: это есть Богом данная милость прозрения телесного и духовного. После этого уже мощно провозглашает Владимир:

Теперь увидех
Господа Бога истиннаго.

И хор гармонично и всенародно сообщает:

Си же увидивше дружина
его, мнози крестися.

Это третий акт кантаты Александра Ткачевского «Сцены Тысячелетия», исполняемые хором Кабрильского Колледжа, под руководством дирижера и регента А. Антолини.

Пауза... По просьбе дирижера рукоплескания запрещены. Аудитория замерла в ожидании следующего, четвертого акта: новокрещенные киевляне исповедуют Христианскому Богу, Богу Истинному, своё Верую.

Вся мощь русской души, как бы еще скрытая, еще лежащая в Матери Сырой Земле глухо раскатывается по народу (поют попеременно разные части хора). Вот она эта силушка народной души... вот она наконец нашла свое полное выражение... пришло время из земли ей вырваться... и нет предела той высоте в которую устремляется российская душа, ибо — спасение шедшее с небес воплотившееся от Духа Свята и Марии Девы и *вочеловечшася*... Тут звучит апофеоз торжества и счастья спасаемого Богом человечества. О поняли! Поняли россияне призыв Христа! Пением своим всенародным, стихийным, раздольным как сама Русь, ответили на призыв и последовали за Спасителем. Господь вселился раз и навсегда, на веки в душу народную... ибо осветил Христос своей лучезарной любовью и истиной и пошел русский народ за Ним... пошел на Голгофу и на страдания... и понял всю суть тех страданий. «И погребена»... в страшном диссонансе, как бы в недрах адавы спадает многоголосый хор. На какой-то короткий момент страшное смешение звуков охватывает мукой обреченности... для того чтобы, сразу за тем как в неясном рождении Нового Мира... как в наново сотворяющейся вселенной, из хаоса вырастает постепенно гармония...

и воскресшего в
третий день по писанием.

И потом уже совсем строго-догматически мужской хор:

И возшедшего на небеса,

и сидяща
присоединяются все голоса и в четком порядке строения истинного:

Одесную Отца. И паки
грядущего со славою
судити живым и
мертвым,

В восходящем аккорде сопрано со всем хором:

Его же царствию не будет
конца

квартет солистов (тенор Gene Manners) исполняют предельно ясно слова:

И в Духа Святаго
Господа животворящего,
Иже со Отца исходящего
Иже со Отцем и Сыном
Споклоняема и славима
Глаголевшего пророки.

И со слов: «Во едину святую, соборную и Апостольскую Церковь»... (весь хор, а затем присоединяются солисты) звуки расцветают как бы в симфонию, благоухая плодами красоты Божественной.

Аплодисменты были разрешены только в самом конце, но они сопровождалась вставанием публики, которая явно оценила, что произведение впервые зазвучало в мире.

Католический собор Святого Креста, в городе Санта Круз (Калифорния), где когда-то монахи строили свои миссии был свидетелем этой мировой премьеры.

Три концерта было исполнено: 16, 17 и 18 декабря 1988 года.

Хор Кабрильского Колледжа (140 человек) под руководством талантливого А. Антолини, один из очень немногих хоров в Америке, исполняющий по церковно-славянски. В 1987 году, хор гастролировал по Советскому Союзу, исполняя литургию Рахманинова и вызывая всюду овации и глубокие чувства (о чем будет вскоре передано по народным каналам телевидения США). Кантата «Сцены Тысячелетия» состоит из четырех актов. В первых двух актах происходит сопоставление Марии Магдалины (2000 лет тому назад) с княгиней Ольгой (1000 лет назад) ибо обе несли весть о живом Христе и обеим люди не поверили. Также описаны мысли и переживания послов, изучающих разные вероисповедания и ищущих веру истинную. Два последних акта, которые и были исполнены в Санта Крузе, повествуют о великом событии Крещения Руси. Слова взяты из Ипатьевской летописи, Нового Завета и молитв.

Сам композитор в интервью данном, еще до концерта, в газете «Санта Круз Сентинел» (от 16 декабря 1988) объясняет как он старался передать в музыке всю судьбоносность этого исторического события: «Отсутствие тонального направления вначале кантаты, свидетельствует о бесплодности языческого мышления. Дальше происходит,

своего рода, очищение тонального пространства, с тем, чтобы оформиться в диатонические мелодии и триадные гармонии».

Газетная статья заканчивается словами: «Сцены Тысячелетия — не написаны для литургического исполнения, хотя Ткачевский является членом Русской Православной Церкви и все произведение есть свидетельство его религиозного убеждения. Хор Антолини должен быть отмечен за включение такого необычайного произведения в свой Рождественский репертуар, так как это вносит совсем новое, вдохновляющее начало в концерт».

Александр Валентинович Ткачевскому — 25 лет, он родился в Буэнос Айресе (Аргентина) от русских родителей. Его первым преподавателем музыки была выдающаяся пианистка Елена Волконская. В его детстве и отрочестве где-то остались следы русских классиков во время семейных чтений, поучения приходских школ и романтика русского патриотизма у разведческих лагерных костров. Главным, конечно, фактором в формировании личности композитора была и есть православная Церковь (и замечательные пастыри, некоторые совсем молодые).

Музыкальное образование он получил в Манхэттанской Музыкальной Школе, а бакалавром стал в Музыкальной Школе Харт (Hart School of Music, Hartford's University).

Писать музыку он начал лет с 12-ти, одна из первых композиций — «Белая Кавалерия», в честь Добровольческой Армии. Им получена премия Харт (Hart Composition Department Award) в 1983 году и премия АСКАП (ASCAP-Hubbel Award) в 1984 году. Его произведения исполнялись по радио и на концертах, в частности, музыкальная поэма «Рио-анджи» была включена в концерт Хартфордского Симфонического Оркестра 19-го февраля 1986 года.

С осени 1986-го года Александр Валентинович Ткачевский учится и преподает в Станфордском Университете, в Калифорнии. Кантата «Сцены Тысячелетия» включена в одну из академических работ (на докторскую степень) для Университета.

Кантата о Крещении Руси (текст которой в программках полностью объяснен по-английски) внесла как бы лепту в общероссийское православное дело. Символично, что это произошло на территории, которая исторически послужила миссионерскому делу испанских христиан среди язычников туземцев. С символикой или без нее, это происшествие оказалось прославлением Православия и Крещения Руси на рождественские праздники, которым насладились полторы тысячи американских жителей города Санта Круз и окрестностей.

Мы можем только благодарить Бога, за то что можем славить Его!

Л. З.